

После этих слов в толпе долго царил мёртвая тишина. На лицах людей читались потрясение, жалость, страх, но вскоре все эти эмоции сменились страхом передо мной. Постепенно люди стали опускаться на колени, кланяться, кто-то выкрикивал: «Принцесса мудра!», кто-то начинал поносить А-Ян, а кто-то пускался в пространные заверения в преданности.

Я стояла, заложив руки за спину, и с улыбкой наблюдала за ними. Толпа быстро затихла. Все смотрели на меня с благоговейным страхом, ожидая продолжения. Я назвала имя Ван Сюя: «Ван Чжунчэн, как ты считаешь, такое наказание уместно?»

Ван Сюй шагнул вперёд и склонил голову: «Принцесса проявила мудрость и проницательность. Ваш слуга не смеет спорить».

Я пристально посмотрела на него. Он служил мне с трёх-четырёх лет, прошло уже много лет. Я всегда недолюбливала евнухов и не слишком его жаловала. Он же вёл себя отстранённо, как призрак. И лишь сегодня, похоже, вдруг осознал, что я его госпожа, и стал покорным.

Я усмехнулась, обвела взглядом толпу и указала на двух евнухов. Одному я сказала: «В прошлом году Вэй Хуань купила мне на улице порцию лэнтао. Ты сказал, что оно испортилось, и выбросил?»

Тот задрожал, словно в лихорадке, и пополз вперёд. Затем я посмотрела на младшего: «Тогда я велела принести его, чтобы посмотреть самой, но ты сбежал. Когда я тебя окликнула, ты сказал, что тебе нужно по нужде?»

Второй тоже в страхе упал на колени, подползая ко мне с рыданиями.

Вэй Хуань повернула ко мне голову. Я улыбнулась ей: «А-Хуань, они говорят, что твоё лэнтао было испорчено. Как думаешь, может ли порция лэнтао испортиться за полдня или день? Если оно вдруг испортилось, значит, либо кто-то подстроил, либо ты подала мне протухшее блюдо. Что скажешь?»

Вэй Хуань сразу всё поняла и, не колеблясь, ответила: «Кто-то подстроил».

Таков был её характер: внешне спокойная, внутри — пылкая. Перед выбором — укрепить власть или заслужить благодарность — она всегда без колебаний выбирала первое.

Я улыбнулась: «А кто, по-твоему, мог подстроить?»

Вэй Хуань опустила глаза: «В деревянном ящике уже скопилось немало доносов. Если его вскрыть, возможно, мы узнаем».

Ван Сюй резко поднял голову. За все годы его службы я впервые видела на его лице столь яркие эмоции: «Лэнтао — скоропортящееся блюдо. Сделанное, оно уже через полчаса размокает в кашу. Они, во-первых, побоялись, что это будет выглядеть неподобающе и огорчит принцессу. Во-вторых, госпожа Вэй преподнесла угощение из лучших побуждений, и мы просто хотели доложить принцессе, чтобы она знала о её доброй воле. Подать же размокшую лапшу — принцесса могла бы не оценить, и тогда добрые намерения госпожи Вэй были бы напрасны. Да и вообще, уличная еда годится для простолюдинов, но не для принцессы. Прошу принцессу и госпожу Вэй понять нас».

Вот как, я его недооценила. Он прекрасно всё понял, увидел, что я укрепляю авторитет Вэй Хуань, и сразу же перешёл на «понимание госпожи Вэй». Но что интересно — человек столь проницательный, давно зная о моём расположении к Вэй Хуань, держался с ней холодно.

Мысли его были загадочны. Если до этого моё неприятие к нему было едва заметным, то теперь оно возросло в разы. Я сжала губы и взглянула на Вэй Хуань. А эта, словно червяк у меня в животе, тут же парировала: «На этот раз это было лэнтао от меня, и вы решили, что оно «неподобающее», и «из лучших побуждений» не подали. А в следующий раз, если это будет дар от Её Величества, вы тоже осмелитесь утаить? Сезонные дары, местные подношения — всё, что вы сочтёте «неподобающим», можно будет прикарманить? Если что-то преподносится госпоже, это становится её собственностью. Нравится ей это или нет — она вправе сама решать. Если каждый будет самовольничать, какой же тогда порядок во дворце? Евнухи ведают связями с внешним миром, они должны быть глазами и ушами госпожи, её голосом. Но теперь эти глаза и уши обрели собственные мысли. Они показывают и доносят госпоже лишь то, что хотят, чтобы она видела и слышала. Слова их тщательно отбираются — только то, что им выгодно. Не заводит ли это госпожу в тупик неведения? Не лишает ли её возможности знать истинное положение дел и отдавать приказы? Вы так усердно сокрываете правду — какие же у вас намерения?»

Мне захотелось аплодировать Вэй Хуань. Я-то думала, она беспощадна, когда спорит со мной, но, оказывается, с другими она ещё язвительнее. Будь у меня даже и тени мысли проучить евнухов, после таких слов я бы разгневалась. А Ван Сюй, даже будь он совершенно невиновен, услышав обвинение в «злоупотреблении властью и сокрытии правды от госпожи», мог лишь снять шапку и ждать расследования. Результат же расследования зависел лишь от того, кто его проводит и как далеко захочет зайти.

Я улыбнулась Вэй Хуань и неспешно присела. Терраса Личунь, как и большинство дворцовых павильонов, была окружена высокими галереями. Я была ещё мала ростом, и если свесить ноги, носки лишь достигали бы головы того маленького евнуха. Но он стоял на коленях поодаль. Я протянула ногу, не достала, и поманила его пальцем. Он, распластавшись на земле, ничего не замечал, пока другой, сметливый евнух не подтолкнул его. Тот тут же подполз, рыдая и пытаясь обхватить мою ногу.

Вэй Хуань стремительно шагнула вперёд, отшвырнула его ногой и холодно произнесла: «Как смеешь прикасаться к драгоценному телу принцессы?» На её лице читалось возмущение — словно вчера не она оставила на моём «драгоценном теле» столько синяков. Будь обстановка не столь серьёзной, я бы, наверное, расхохоталась. Но сейчас приходилось сохранять невозмутимость и лишь одобрительно, с достоинством улыбнуться Вэй Хуань. Наверное, в моём возрасте это смотрелось смешно, как ребёнок, нарядившийся в матушкины одежды. Но кроме меня, ни у кого на лице не было и тени улыбки. Таково преимущество власти. Пусть ты всего лишь несовершеннолетнее, капризное, глупое дитя — но если у тебя есть власть, даже самые мудрые и проницательные будут ползать у твоих ног и раболепствовать. И мне это... даже отчасти нравилось.

Мальчишка, получив пинок, сначала разрыдался навзрыд, но, увидев мою улыбку Вэй Хуань, резко смолк. Он лежал на земле, жалобно умоляя: «Принцесса, это всё Ван Чжунчэн велел мне сделать! Я не знал, что это лэнтао от госпожи Вэй, и... и не ведал, что Ван... Ван Сюй такой человек! Принцесса, знай я — ни за что не осмелился бы обмануть вас!..»

Я поспешно поджала ноги и громко спросила: «Что ещё Ван Сюй приказывал тебе делать? Говори правду — хорошо скажешь, прощу». Говоря это, я смотрела на другого евнуха. Его взгляд метался между Ван Сюем и Вэй Хуань. Поймав мой взгляд, он, кажется, решил и, опередив первого, бросился вперёд, торопливо заговорив: «Докладываю принцессе, я знаю! Когда госпожа Вэй только поступила во дворец, он всячески её притеснял! Приказывал воровать её постельное бельё, при всех её оскорблял! Вы распорядились, чтобы её содержание было наравне с А-Ян, а он постоянно урезывал! Осенние стёганные халаты только в ноябре

выдал, пожалованную вами цветную парчу тайком подменил на простой шёлк! Когда вы жаловали деньги, другим полную тысячу казённых монет давали, а он — восемьсот за тысячу, да ещё и медяками! Я... я не мог стерпеть, несколько раз увещевал его, а он меня обругал да ещё... ещё на передний двор подметать сослал!»

Чистейшая клевета. Моя личная казна всегда была в ведении служанок, евнухи лишь передавали распоряжения. Даже если кто-то и урезал содержание Вэй Хуань, вряд ли это была инициатива Ван Сюя. Всё можно было свалить на А-Ян, но та уже была обречена и сидела в тюрьме — оспаривать некому. Я усмехнулась, но не стала разоблачать его, а, наоборот, ободрила улыбкой: «И это всё?»

Этих слов было достаточно. Приговор Ван Сюю был вынесен. Собравшиеся уловили намёк, и, кроме двух стоявших на коленях, остальные евнухи и служанки один за другим стали выходить вперёд, выкладывая обвинения против Ван Сюя. Тот же, сжав губы, стоял на коленях и больше не произносил ни слова в своё оправдание.

<http://bllate.org/book/16278/1466301>